

Проповедь в Йом Киппур: Бог – это женщина – и она стареет

Раввин 2-жа Маргарет Мёрс Вениг

Раввин Маргарет Вениг преподает гомилетику и литургию в Еврейском Союзном Колледже в Нью-Йорке. Она была Раввином в храме «Дом Народа» в Нью-Йорке, делящем богослужebное помещение с лютеранской церковью «Искушение нашего Спасителя». Годами обе общины отмечали совместными литургиями День благодарения и день Мартина Лютера Кинга младшего и вместе изучали христианское и иудейское толкование Писания.

"Обрати нас к Тебе, Господи, и мы обратимся"

По поводу праздника Рош-ашана я преподносила вам два разных толкования понятия «тешува». Сегодня вечером я вам предложу третье: тешува означает еще и: обращение, возвращение к Богу.

Но кто или что это – Бог? Где нам искать Божьего присутствия? Наши мудрецы и философы отнюдь не единодушны в своих высказываниях. Но они согласны вот в чем: в конечном итоге невозможно докопаться до того, кто или что есть Бог на самом деле. Бог – это Сокровенный (el mistater), скрывающий лик Свой (hester panim), или Бесконечный, Неизмеримый (en sof) – непознаваемый, неисследимый, неопиcуемый.

И всё же именно эти мудрецы предпринимают попытку облечь опыт нашего народа с Богом в образы, которые мы знаем и можем понять. Каббалисты даже дошли до изображения Божьего облика: как Человека Первоначала (adam kadmon). Все свойства Бога связывались с определенными частями Его тела: головой, руками, ногами, животом и даже мужскими гениталиями.

Мидраши передают нам образы Бога, плачущего по поводу тонущих египтян, водимого, скованным в цепях, в пленение вместе со Своим народом, каждое утро надевающего молитвенные ремни и изучающего Тору вместе с Моше Раввену. Наша литургия показывает нам Бога как незыблемую скалу (zur Jisrael), как щит (magen Awraham), как командующего воинством ангелов (Adonai Zewaot), как пастыря (Adonai roi) – а в великие праздники, в дне благоговения, махсор (прим. пер.: молитвенник, содержащий праздничные молитвы) подчеркивает образы Бога как Отца и Бога как Царя.

Все эти образы – метафоры, а вовсе не попытка буквально понимаемого толкования. Они служат лишь тому, чтобы указывать нам на такое, что мы хоть и представляем себе, но никогда не можем действительно видеть.

В этот вечер я призываю вас вместе со мной представить себе Бога. В этот вечер я предлагаю вам представить себе Бога как женщину – как женщину, которая вот-вот постареет.

Бог – это женщина, и она стареет. Она теперь движется медленнее. Она не может стоять прямо. Ее волосы разрезаны. Ее лицо испещрено морщинами. Ее улыбка уже не невинна. Ее голос охрип. Ее глаза устают. Зачастую Ей тяжело слушать. Бог – женщина, и Она стареет. И всё же – Она всё помнит.

В праздник рош-ашана, когда мы помним тот день, когда Она нас родила, Бог садится за свой кухонный стол, открывает книгу воспоминаний и начинает переворачивать страницы. И Бог помнит.

"Вот мир, когда он был новым, Мои дети, когда они были молодыми!" Переворачивая страницу за страницей, Она улыбается. Она видит нас перед собой как множество кукол в витрине со всеми прекрасными цветами кожи, со всеми разными формами и размерами наших тел. Она восхищается нашими достижениями – музыкой, которую мы написали, садами, которые мы насадили, небоскребами, которые мы построили, историями, которые мы рассказывали, идеями, которые мы выдумывали.

"Теперь они умеют летать быстрее, чем те ветра, которые Я посылаю", говорит она сама себе, "и они плавают по тем водам, которые Я собрала в моря. Они посещают даже луну, которую я поставила на небе. Но Меня они посещают редко". На страницах Ее книги вклеены все те открытки, которые мы Ей отправили каждый раз, когда не сочли стоящим навещать Ее. Внимательно Она разглядывает наши подписи, небрежно поставленные под печатными словами, составленными другим человеком.

Далее есть страницы, которые Она хотела бы пропустить. Вещи, которые Она хотела бы забыть. Но они бросаются Ей в глаза и заставляют помнить: Ее дети, разрушающие дом, который Она создала для них, братья, заковывающие друг друга в цепи. Она видит, как мы на всей скорости несемся вниз по опасным дорогам, сами не в состоянии остановиться. Она вспоминает о тех мечтах, которые у нее были для нас – мечты, которые мы никогда не исполнили. И Она вспоминает об именах, о стольких именах, написанных в книге – именах всех тех детей, которых Она потеряла: из-за войны и голода, землетрясений и несчастных случаев, болезни и самоубийства... И Бог думает о том, сколько раз Она сидела на краю койки и плакала, потому что не могла остановить тот процесс, который Сама подтолкнула.

В этот вечер, в вечер Кол-Нидрей, Бог зажигает свечи – по одной для каждого из Своих детей. Миллионы и миллионы свеч, озаряющих ночь – ярко, словно день. Сегодня Бог будет бодрствовать всю ночь и листать страницы Своей книги.

Бог одинока в этот вечер. Она тоскует по Своим детям, Своим игривым, по Ефрему, Своему любимцу. Ее тело желает нас. Всё живущее на земле проходит. Но Бог выдерживает и терпит печаль потери всего того, что Ей дорого.

Бог в этот вечер находится дома и листает страницы Своей книги. «Идите домой», она хочет сказать нам, «идите домой». Но Она не зовет, потому что боится, что мы скажем «нет». Она может угадывать нашу болтовню: «мы так заняты» - так мы бы извинялись. «Мы очень хотели бы Тебя навещать, но сегодня вечером мы просто не можем. Слишком много дел. Слишком много ответственности».

Даже если мы не хотим в это поверить, Бог знает, что наша занятость – лишь отговорка. Бог знает, что мы избегаем возвращения к Ней, чтобы нам не пришлось глядеть на Ее лицо, изнуренное старостью. Она понимает, что нам тяжело встретиться с божеством, разочаровавшим ожидания нашего детства; Она дала нам не всё, чего мы хотели: Она не сделала нас победителями в борьбе, преуспевающими в бизнесе и нечувствительными к боли. Мы избегаем дороги домой, чтобы защищать самих себя от своего разочарования, и чтобы защищать Ее. Мы не хотим, чтобы Она увидела разочарование в наших глазах. Но Бог знает, что оно там, и все равно хочет, чтобы мы пришли домой.

А что, если бы мы это сделали? Что, если бы мы действительно отправились домой и посетили бы Бога в этот Йом Киппур? Каково оно было бы?

Бог привела бы нас на Свою кухню, усадила бы за Своим столом и налила бы чаю. Она так долго была одна, что хочет сказать нам многое. Но мы почти не даем Ей вставить слова, потому что боимся того, что Она могла бы сказать, и тишины боимся точно так же. Так, мы наполняем этот час своей болтовней. Слова, слова, столько слов. Пока Она не поднимет палец к губам и не скажет:

– Тс-с, тс-с, молчи, тс-с...

Тогда Она отодвигает Свой стул назад и говорит:

– Дай на себя посмотреть.

И Она смотрит. Одним единственным взглядом Бог видит нас как новорожденных и как умирающих, то и другое, как мы, кашляя и плача, ищем Ее грудь, полны страха перед неизвестным царством, открывающимся нам.

Одним единственным взглядом Она видит наше рождение и нашу смерть и все эти годы между ними. Она видит нас, когда мы были молодыми, когда мы восхищались Ею и везде следовали за Ней с доверием, когда наши царапины и синяки быстро проходили, и мы были полны восхищения всем новым (новое платье, водительские права, чувство в нашем теле, когда мы впервые позволяли другу трогать нас). Она видит нас, когда мы были молодыми и думали, что нет ничего такого, чего мы бы не могли сделать.

Она видит нас и в наши средние годы, когда наши силы казались неограниченными. Когда мы заботились о хозяйстве, готовили, убрали, смотрели за детьми, работали и брали на себя добровольные обязанности, когда все нуждались в нас и мы едва находили время для сна.

И Бог видит нас в наши более поздние годы, когда мы уже не чувствовали себя настолько нужными, когда хаотичные условия стали

запутывать ритм нашего тела, на которое мы привыкли полагаться. Она видит нас спящими в одиночестве в комнате, где раньше спали двое. Бог видит события нашей жизни, о которых мы забыли, и такие, о которых мы еще не знаем. Ибо ничего не скрыто от взгляда Бога.

Насмотревшись на нас, Бог могла бы сказать:

– А теперь расскажи мне, как у тебя дела?

Теперь мы боимся открыть рот и сказать Ей всё то, что Она ведь уже знает: кого мы любим, где мы задеты, что мы сломали или потеряли, кем мы когда-то хотели стать. Итак, мы предпочитаем ничего не говорить, чтобы не расплакаться.

Поэтому мы меняем тему:

– Ты помнишь, когда... – начинаем мы.

– Да, помню, – говорит Она.

Вдруг мы говорим обе одновременно, ни заканчивая фразы. Мы говорим все те вещи, которых никогда не было на поздравительных открытках:

– Мне жаль, что я...

– Всё хорошо, Я тебя прощаю.

– Я не хотела...

– Я знаю, знаю.

– Я так рассердилась, когда Ты ударила меня.

– Мне жаль, что Я сделала тебе больно. Но ты не хотела слушаться

Меня.

– Ты права, я не хотела слушаться. А стоило бы. Теперь я знаю это, но тогда мне надо было делать по-своему.

– Я знаю – кивает Она, – Я знаю.

Мы отворачиваем от Нее взгляд и озираемся в кухне.

– Я никогда не думала, что смогу отвечать Твоим ожиданиям, – говорим мы.

– А Я всегда думала, что ты можешь всё, – отвечает Она.

– Как обстоит дело с твоим будущим? – спрашивает Она нас.

Мы бормочем какой-нибудь ответ, потому что не хотим глянуть в лицо своему будущему. Бог чувствует нашу нерешительность и понимает.

Просидев с нами уже несколько часов за чаем, когда наконец-то сказать или услышать остается нечего, Бог начинает напевать.

Это возвращает нас к таким моментам, когда температура не хотела опускаться и мы не могли заснуть, утомленные плачем, но не в состоянии прекратить. Она поднимала нас, прижимала к груди, укладывала нашу голову в Свою ладонь и ходила с нами туда-сюда. Нам было слышно биение Ее сердца и напевание из Ее горла.

Да, это там мы научились утирать слезы. У Нее мы научились утешать плачущего ребенка и держать человека в боли.

Потом Бог касается нашей руки, возвращая нас из ностальгии давно прошедших времен к настоящему и будущему.

– Ты всегда останешься Моим ребенком, – говорит Она, – но ты уже не ребенок. Становись старше – вместе со Мной. Лучшее еще впереди, последний этап жизни, для которого был сделан первый. Мы становимся старше, как Бог становится старше. Как мы стали похожи.

Для нас, как и для Бога, стареть означает видеть перед глазами смерть. Конечно, Бог никогда не умрет, но Она похоронила больше дорогих людей, чем мы когда-либо будем любить. В Боге мы познаем, «сколь святое дело – любить то, чего касается смерть». Как и Она, мы можем быть святыми, любя тех, кого касается смерть, включая нас самих, наше стареющее «я».

Бог берет наше лицо в обе руки и шепчет:

– Не бойся, Я буду верна обещаниям, которые дала тебе, когда ты была молодой. Я буду с тобой. Еще в старости Я буду с тобой и буду держать тебя, когда ты поседеешь. Я родила тебя, Я носила тебя, Я держу тебя. Старей со Мной...

Наш страх перед будущим теперь приглушен любопытством – вселенная бесконечна и всё еще полна неограниченных возможностей. Хотя солнце восходит и заходит как в предыдущий день, ни один день не похож на другой. И каждый новый день мы можем встретить с ожиданием и любопытством – чему научусь сегодня, что изобрету? Что я замечу сегодня, что никогда не увидела раньше?

Это была хорошая встреча. Теперь мы устали, и нам надо поспать. Наша очередь, прежде чем уйти, хорошо посмотреть на Нее. Ее лицо, отмеченное временем, кажется нам теперь уже не дряхлым, а мудрым. Ибо мы понимаем, что Бог знает о тех вещах, которым в состоянии научить только время – что возможно пережить потерю любви, чувствовать себя уверенной посреди постоянно меняющегося мира, жить достойно даже тогда, когда каждая кость болит.

Движения Бога кажутся нам уже не медленными, а сильными и осознанными, не похожими на наши. Мы слишком заняты для того, чтобы заглянуть глубже поверхности. Мы говорим слишком скоро для того, чтобы по-настоящему слышать. Мы движемся слишком быстро для того, чтобы чувствовать то, чего мы касаемся. Мы формируем свое мнение слишком быстро для того, чтобы судить честно. Но Бог – Бог движется медленно и обдуманно. Она видит всё, что можно увидеть, понимает всё, что слышит, и касается всего живого.

Теперь мы понимаем, зачем мы были созданы так, чтобы стареть: каждый прибавленный день нашей жизни, каждый новый год, делает нас более похожими на Бога, на Ту, кто вечно становится старше. Поэтому мы, наверное, научились вставать перед людьми преклонного возраста и видеть достоинство в лицах стариков. Мы поднимаемся в их присутствии так, как поднимались бы в присутствии Бога, ибо в лицах стариков мы видим Божий лик.

Глядя на Нее, мы охвачены благоговением (хотя стесняемся высказать это). Эта женщина преклонного возраста теперь кажется нам похожей на...

на... царицу. Ее кухонный стул – престол, Ее домашнее платье – горностаевый мех, а Ее редкие волосы сияют как драгоценности на короне.

В Йом Киппур мы сидим в молитвенном доме, далеко от дома. В руках мы держим страницы с поздравительными открытками, сшитые в книгу – тысячи слов, которые написали не мы сами. А мы только поставим туда свою подпись и бросим открытки в почтовый ящик?

Бог предпочла бы, чтобы мы пришли домой. Она сидит и ждет нас как в любой Йом Киппур, терпеливо ожидая, когда мы будем готовы. В ночь Всех Обетов Бог не будет спать. Она оставляет дверь открытой, свечи горящими, и терпеливо ждет нашего возвращения домой. Возможно, мы в этот Йом Киппур мы сумеем посмотреть в стареющее лицо Бога и сказать: "Awinu Malkenu, наша Мать, наша Царица, мы вернулись домой".

Эту проповедь я посвящаю трем женщинам, воспитавшим меня – Мэри Мёрс Вениг, Анне Вениг и Молли Лейн – и пожилым женщинам в общине «Дом Народа», в лицах которых я вижу лик Бога.